

В.В. СОКОЛОВ

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ НА ПУТИ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Исполнилось 70 лет с начала Второй мировой войны. Политические, социально-экономические и военные предпосылки этой войны, казалось бы, всесторонне изучены российскими и зарубежными историками. Однако интерес к этой теме не ослабевает. Появился ряд фундаментальных исследований на основе вводимых в научный оборот новых документов из российских и зарубежных архивов¹.

Это естественный процесс. Механизм возникновения глобальных войн должен быть досконально изучен для того, чтобы не повторялись мировые катастрофы, унесшие с собой десятки миллионов человеческих жизней. Кстати, как указывают официальные английские историки (Вудворт, Намьер, Медликотт), опубликовавшие в свое время сборники “Документы британской внешней политики”, они сами будто бы сознательно “разоблачали” мюнхенскую политику британского премьер-министра Н. Чемберлена по “умиротворению” агрессора, чтобы исключить в будущем повторение такой политики.

В настоящее время имеют широкое хождение на Западе исторические мифы, оправдывающие мюнхенскую капитуляцию и “объясняющие” причины возникновения Второй мировой войны. Согласно одному из них главной ее причиной является подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении. Подобные вымыслы продолжают жить и даже находят любителей мифотворчества в современной России, несмотря на то, что достоверность их была сильно подорвана после того, как открыли доступ к секретным советским и английским архивам.

Правда истории подтверждается теперь документами, свидетельствующими, что Второй мировой войне предшествовала не неделя, отделявшая ее от подписания советско-германского пакта о ненападении, а годы попустительства агрессии.

Как известно, Москва сразу же после прихода Гитлера к власти выдвинула в декабре 1933 г. концепцию “неделимости мира”. Развивая этот тезис, нарком иностранных дел М.М. Литвинов говорил 3 января 1935 г. чешским журналистам: “В настоящее время нарушение мира в каком-либо уголке мира неизбежно повлечет всеобщую войну. Все пограничные столбы на всех границах Европы являются опорами мира, и удаление хотя бы одного такого столба неизбежно повлечет за собой падение всего здания мира”².

28 марта 1935 г. в Москве нарком в беседе с А. Иденом, бывшим тогда лордом-хранителем печати и ставшего через несколько дней министром иностранных дел Великобритании, предупреждал: “У нас нет ни малейших сомнений в германской агрессивности... Вообще Гитлер, выдвигая в настоящее время на первый план восточную экспансию, хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них

Соколов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, специалист по международным отношениям и внешней политике СССР и России.

¹ *Севостьянов Г.Н.* Европейский кризис и позиция США. 1938–1939. М., 1992; *Ситолс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. М. 1997; *Война и политика. 1939–1941.* М., 1999; *Carley M.J.* 1939. The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. Chicago. 1999; *Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата.* Кн. 1. 1934 – 3 сентября 1939 г. М., 2006; *Война и общество в XX веке,* кн. 2. М., 2008.

² *Литвинов М.М.* Внешняя политика СССР. М., 1937, с. 369–372.

санкции его вооружений. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки могут начать стрелять совсем в другом направлении”³. Это заявление оказалось пророческим.

Государства-агрессоры – Германия, Италия, Япония – очень скоро приступили к реализации своих экспансионистских целей. В 1935 г. Италия напала на Эфиопию, а Япония продолжала “тихую” агрессию в Китае после захвата в 1931–1932 гг. Маньчжурии. Не прекращала она провокаций на дальневосточных границах СССР.

Летом 1936 г. гитлеровская Германия и фашистская Италия поддерживали мятеж генерала Ф. Франко против законного правительства Народного фронта в Испании, направив туда военную технику и летчиков, непосредственно принимавших участие в боевых действиях на стороне мятежников. Выступая в Лондоне 28 октября в Комитете по невмешательству с разъяснениями позиции СССР в поддержку законного правительства Испании, полпред в Лондоне И.М. Майский предсказывал, что “торжество мятежных генералов в Испании явилось бы таким громадным толчком для разнуздывания всех сил агрессии, ненависти и разрушения в Европе, что новая война продвинулась бы непосредственно к самому порогу наших домов”⁴.

В мае 1937 г. консервативное правительство Великобритании возглавил Чемберлен, который видел свою задачу в противодействии дальнейшей радикализации общественного движения в Европе: в Испании шла гражданская война левых сил против фашизма, во Франции к власти пришло правительство Народного фронта. Ему было хорошо известно, что Советский Союз оказывает не только политическую поддержку в рамках Лиги наций антифашистам в Испании и национальным антияпонским силам в Китае, но и посильную военную помощь.

В этих условиях Чемберлен видел единственный выход для сохранения политического господства Великобритании в Европе в налаживании эффективного сотрудничества с крайне правыми, фашистскими, режимами в Германии и Италии. На каком-то этапе это получалось. Еще до его прихода к власти Великобритания 18 июня 1935 г. подписала морское соглашение с Германией, санкционировавшее в нарушение Версальского договора значительное увеличение германского военно-морского флота.

В марте 1936 г. Германия, вопреки Локарнским соглашениям, подписанным Великобританией, Францией и другими, ввела свои войска в демилитаризованную Рейнскую область. В июне того же года внешнеполитический комитет английского правительства рассматривал доклад о передаче Германии мандата на колониальные владения. Правда, авторы доклада пришли тогда к выводу, что “нельзя удовлетворить пожелания Германии в колониальной области ни политически, ни экономически”⁵. Но поиски общей платформы для соглашения с фашистскими государствами не прекратились. Как писал автор книги “Новая Европа” Б. Ньюман, Гитлер широко эксплуатировал жупел коммунизма и благодаря этому пользовался молчаливой поддержкой многих в Англии: “Необходимо рассеять туман подозрений, отделяющих Россию от Западной Европы”⁶. Но к таким голосам не прислушивались.

В чести оказались те, кто содействовал сговору правящих кругов Великобритании с фашистскими диктаторами Гитлером и Муссолини. Еще 2 февраля 1937 г. экономический советник английского правительства Ф. Лейт-Росс встретился с президентом рейхсбанка Германии Я. Шахтом в местечке Баденвайлер. Наряду с обсуждением экономических вопросов Шахт требовал возвращения бывших германских колоний – Камеруна и Того. Лейт-Росс не возражал. Он лишь указал, что колониям нужны капиталы для их развития, а это как раз то, в чем сейчас нуждается Германия⁷. 3 марта 1937 г. лорд Лотиан, выступая в палате лордов английского парламента, заявил, что

³ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП), т. 18. М., 1973, с. 235.

⁴ Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. IV. М., 1946, с. 204.

⁵ Public Record Office (далее – PRO), CAB 27/626, p. 50.

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 0512, оп. 4, п. 14, д. 50, л. 2об.

⁷ PRO, CAB 27/626, p. 139–140.

“он, безусловно, предпочитает ограниченные обязательства в любой форме коллективной безопасности, за которой последуют союзы и контрсоюзы”⁸.

11 мая 1937 г. Лотиан, зная, что Чемберлен станет через несколько дней премьер-министром Великобритании, направил ему отчет о беседах 4–5 мая с Гитлером, Герингом и Шахтом. В документе, озаглавленном “Меморандум о визите в Берлин, май 1937 г.”, он сообщал, что Гитлер хочет изменить существующее положение в Восточной Европе. Версальский договор мол устарел и т.д.

При этом, говоря о гитлеровских требованиях, Лотиан считал, что они “сами по себе не являются неразумными”. Признав, что “мечты относительно экспансии на Восток частично умерли ввиду восстановления мощи России”, он затронул вопрос о перспективах английской политики, которые видел “в признании будущих изменений в Восточной Европе в пользу Германии”. Он был против создания антифашистской коалиции – Великобритания, Франция и Россия, – потому что боялся возникновения военного кризиса между двумя такими союзами, а “Джавахарлал Неру, – по его словам, – только и ожидает будущей мировой войны, чтобы развязать революцию в Индии”. А это привело бы, по мнению Лотиана, “к краху как Германии, так и Британской империи и триумфу низов”⁹.

В отчете Лотиан предложил “практическое решение”, состоявшее в том, чтобы поставить под вопрос возможность оказания английской помощи “Франции и ее союзникам в сохранении статус-кво в Восточной Европе”¹⁰.

Вскоре, 29 июня 1937 г., с Гитлером и его окружением встречался уже премьер-министра Канады М. Кинг. В записи своей беседы он привел слова “фюрера” об абсурдности того, что называется “коллективной безопасностью”. В то же время Гитлер дал понять, что ему приятно стремление английского премьера к “достижению соглашений, которые содействовали бы дружественным отношениям между двумя странами”¹¹. М. Кинг встречался также с министром иностранных дел К. Нойратом, Г. Герингом и др.

29 июля 1937 г. Чемберлен писал Кингу: “Ваша запись беседы представляет большой интерес и будет иметь для нас большое значение как картина настроений и мнений руководителей Германии”¹².

За этими визитами последовала 19 ноября 1937 г. обстоятельная беседа с Гитлером лорда – председателя совета Великобритании Э. Галифакса, ставшего вскоре министром иностранных дел. Хорошо известно высказывание Галифакса о том, что английское правительство выразило удовлетворение, что Гитлер превратил Германию в “бастион Запада против большевизма”. Наряду с этим была высказана готовность английского правительства на перекройку политической карты Европы в пользу Германии, а именно пожертвовать Австрией, Данцигом (Гданьском) и Чехословакией¹³.

Но если об этой беседе российские историки знают давно, то о том, что тогда же, в конце ноября, в Лондон были вызваны премьер-министр Франции К. Шотан и министр иностранных дел И. Дельбос, мы узнаем из документов британского архива. Французскому союзнику было откровенно заявлено, что поддержка, которую французское правительство считает должным оказывать Чехословакии по пакту о взаимопомощи, выходит далеко за рамки того, что находит одобрение в Великобритании¹⁴.

Эти и другие встречи и источники убедили Гитлера, что препятствий в проведении им экспансионистской политики со стороны Лондона не будет. В Австрии была развернута широкая прогерманская кампания, призванная сломить сопротивление противни-

⁸ Schulthess Europaischer Geschichtskalender. 1937. München, 1938, S. 263.

⁹ PRO, Premier 1/215, p. 4–17.

¹⁰ Ibid., p. 14–15.

¹¹ Ibid., p. 16.

¹² Ibid., p. 18.

¹³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939, т. 1. М., 1981, с. 35–46.

¹⁴ PRO, CAB 27/626, p. 253–264.

ков аншлюса. 20 февраля 1938 г. он выступил в рейхстаге с откровенными угрозами в адрес Австрии и Чехословакии¹⁵.

12 марта 1938 г. германские войска вошли в Австрию. “Третий рейх” расширил свою территорию на 17%, а его население увеличилось на 7 млн. человек. 50 тыс. австрийских солдат и офицеров были включены в состав германского вермахта.

Выступая в палате общин 2 марта, Чемберлен не увидел в действиях Германии никаких нарушений Сен-Жерменского мирного договора, подписанного Великобританией, хотя в нем говорилось: “Независимость Австрии неотчуждаема”¹⁶.

“Английское общественное мнение давно уже рассматривает вопрос аншлюса как семейное дело германцев”, — писал бывший царский дипломатический представитель России в Лондоне Е.В. Саблин¹⁷.

Только Литвинов сделал 17 марта 1938 г. заявление представителям печати в Москве о “совершенном военном вторжении в Австрию и насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости.

...В первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты”. Нарком от имени советского правительства заявил, что оно готово “приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами”¹⁸.

Отвечая позже на запрос французской стороны, нарком предложил созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий для “обсуждения практических мер”. Одновременно он напомнил, что СССР предлагал созвать “совещание представителей государств, заинтересованных в сохранении мира... Такое совещание с участием Англии, Франции и СССР и вынесение общей декларации, которая, несомненно, получит моральную поддержку со стороны Рузвельта, имеет больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры”¹⁹.

Однако скоро выяснилось, что французское правительство было не против вопрос о французских гарантиях Чехословакии, которые предусматривались франко-чехословацким договором от 16 октября 1925 г., поставить в зависимость от английских гарантий, что не входило в намерения Великобритании. Стремясь выиграть время для перевооружения своей армии, и прежде всего авиации, английское правительство предпринимало шаги по мирному решению чехословацкого кризиса, взяв на себя посредничество между Прагой и Берлином. Одновременно Великобритания и Франция единодушно стремились полностью изолировать СССР на международной арене²⁰. Это им на какое-то время удалось, в ущерб интересам чехословацкого народа.

11 сентября 1938 г. французский министр иностранных дел Ж. Бонне сообщил М.М. Литвинову в Женеве, что англичане отклонили советское предложение и о совещании, и о совместной декларации. Они не считают также нужным предпринимать какие-либо шаги в Берлине. Галифакс, писал нарком в Москву, счел нужным напомнить французам, что “у Англии нет никаких обязательств в отношении Чехословакии и что ее позиция более сдержанная, чем французская”²¹.

Не останавливаясь на всех этапах предыстории мюнхенской сделки Англии и Франции с Гитлером, обратим внимание, прежде всего, на гарантии, данные ими Чехословакии. Теперь уже известно, что “план Z”, план выдачи Чехословакии Гитлеру, был подготовлен Н. Чемберленом и тремя его коллегами по кабинету — Э. Галифаксом, Дж. Саймоном и С. Хором. “Главной приманкой для Гитлера в предполагаемых пере-

¹⁵ Война и общество в XX веке, кн. 2. М., 2008, с. 66–67.

¹⁶ Сен-Жерменский мирный договор. НКВД. М., 1925, с. 33.

¹⁷ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940. Сб. документов, кн. 2. М., 1998, с. 28–29.

¹⁸ ДВП, т. 21. М., 1977, с. 128–129.

¹⁹ Там же, с. 470–471.

²⁰ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999, с. 28.

²¹ ДВП, т. 21, с. 487.

говорах должна стать возможность обеспечить лучшие отношения между Германией и Великобританией”, – отмечалось на заседании узкого состава кабинета²².

Проинформировав членов правительства 14 сентября о решении внутреннего кабинета передать Судетскую область Чехословакии Гитлеру, Чемберлен заявил о готовности Великобритании предоставить оставшейся части Чехословакии международную гарантию, подчеркнув, “что мы не сможем спасти Чехословакию, если бы Германия решила захватить ее. Ценность гарантии будет заключаться в сдерживающем эффекте”²³. Отсюда ясно вытекало, что правительство Великобритании изначально не собиралось защищать Чехословакию. Но одно дело принять внутреннее решение, а другое – убедить в этом правительство Франции, имевшее с Чехословакией договор о взаимопомощи при хорошо налаженном военном сотрудничестве. Однако оказалось, что французов долго убеждать не потребовалось. 19 сентября было передано англо-французское ультимативное требование к Чехословакии о передаче Гитлеру Судетской области²⁴. Труднее было уломать Гитлера. Чемберлен совершил три безответных визита в Германию, т.е. фактически трижды ездил на поклон к Гитлеру, 15, 22, 29 сентября 1938 г. в Берхтесгаден, Бад-Годесберг и Мюнхен. Записи этих переговоров опубликованы и они известны²⁵. Но меньше известна запись беседы советника Чемберлена Х. Вильсона с Гитлером и министром иностранных дел Германии Й. Риббентропом от 27 сентября, в которой он дал ясно понять, что Франция “выполнит свои обязательства по договору с Чехословакией”. Это, однако, не значит, что Франция объявит войну. Прощаясь, он сказал, что “мы должны найти путь, чтобы избежать войны”²⁶. Такой путь был найден. Чехословакии навязали англо-французские гарантии, с которыми формально согласились 29 сентября в Мюнхене Гитлер и Муссолини.

Там же, в Мюнхене, 30 сентября 1938 г. была подписана англо-германская декларация, символизирующая желание “двух народов никогда более не воевать друг с другом”²⁷.

Польша, не дожидаясь общего вступления в силу объявленных гарантий, в ночь на 1 октября 1938 г. предъявила ультимативное требование Чехословакии передать ей чешские округа Тешен и Фрайштадт²⁸. С разного рода территориальными претензиями выступила Венгрия. Чешский МИД обратился тотчас же к государствам-гарантам. Надо отдать должное: правительства этих стран отреагировали в тот же день. Но что характерно, они фактически отдавали решение этого вопроса на усмотрение Германии.

Так в британской ноте от 1 октября 1938 г. в германский МИД, в частности, говорилось: “Британское правительство делает представление в этом смысле в Варшаве. Г-н Чемберлен был бы признателен германскому правительству использовать все свое влияние, чтобы заставить польское правительство отказаться от акции и искать удовлетворительное решение в духе Мюнхенского соглашения”²⁹. Берлину стало ясно, кто может хозяйничать в Восточной Европе.

3 октября 1938 г. МИД Германии разослал циркулярную телеграмму своим представителям за рубежом, в которой подчеркивалось, что мюнхенское соглашение является выдающимся успехом политики “фюрера” и что Германия не преследует никаких политических или территориальных целей в Чехословакии³⁰. Конечно, это был заведомо тактический жест.

²² PRO, CAB 27/646, p. 3.

²³ Ibid., 23/95, p. 42–43.

²⁴ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, с. 94–97.

²⁵ Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. 1. Freiburg, 1955, s. 135–143, 172–180, 251–257.

²⁶ PRO, CAB 24/279, p. 25–27.

²⁷ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы, т. 1–2. М., 1990, с. 20.

²⁸ Akten Zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918–1945, Serie D, Bd. IV. Baden-Baden, 1951, S. 7.

²⁹ Ibid., S. 8.

³⁰ Ibid., S. 20.

В беседе с Э. Галифаксом 7 октября германский посол Г. фон Дирксен затронул вопрос об отношении Великобритании к вопросу о присоединении СССР к гарантиям Чехословакии. Днем раньше за это высказался английский министр экономики Саймон. В связи с этим Галифакс заявил послу, что “английское правительство не хочет исключать Советский Союз из европейской государственной жизни. Если у него есть желание присоединиться к заявлению о гарантиях Чехословакии, то английское правительство приветствовало бы такой шаг. Но это не означает, что английское правительство будет действовать в этом смысле. Еще нет окончательной позиции по этой проблеме”³¹.

Независимо от позиции Великобритании советское правительство предприняло самостоятельные шаги в данном вопросе, поскольку сохранение независимости Чехословакии означало укрепление внешнеполитических позиций СССР. 9 октября 1938 г. Литвинов официально запросил чехословацкое правительство, желает ли оно, чтобы будущие границы Чехословакии и ее независимость были гарантированы также и Советским Союзом³². 14 октября чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер сообщил, что министр иностранных дел Ф. Хвалковский уклонился от ответа на запрос под предлогом, что это дело великих держав, подписавших Мюнхенское соглашение³³. Тем самым министр дал понять, что СССР, не являвшийся участником соглашения в Мюнхене, не может принять участие в гарантиях Чехословакии.

11 октября 1938 г. Майский сообщил в Москву о своей беседе с Галифаксом, в ходе которой он со всей определенностью заявил министру, что, “утвердивши свое господство в Центральной Европе и на Балканах, Германия, скорее всего, повернет на Запад”. На Востоке Гитлеру пришлось бы драться против СССР серьезно и “без всяких шансов на успех... Гораздо легче и выгоднее пойти на Запад, где Мюнхен, судя по всему, далеко не является его последней бескровной победой”³⁴. Такая смелая и определенная оценка полпредом следующего этапа гитлеровской агрессивной политики не была положительно воспринята даже наркомом, который считал тогда, как и большинство политиков на Западе, что Гитлер двинет свою армию на Восток.

Во время визита во Францию в начале декабря 1938 г. Риббентроп в беседе с Бонне дал понять, что французские “военные союзы на востоке являются ярко выраженными атавизмами Версальского договора. ...Слабая Германия вынуждена была примириться с ними. Но в момент воссоздания ее мощи стало ясно, что с этой политикой окружения... должно быть покончено”.

Риббентроп охарактеризовал прежнюю французскую политику союзов, и в частности советско-французский договор о взаимопомощи, “как препятствие на пути сближения между Германией и Францией”. На вопрос Бонне о предоставлении гарантий Чехословакии, он уклонился от определенного ответа, сказав, что Германия якобы изучает проблему, подчеркнув, что “наилучшую и самую эффективную гарантию для Чехословакии он усматривает единственно лишь в установлении этой страной дружественных отношений с Германией”³⁵. Услышав, как французские политики отказываются от своей причастности к заключению франко-советского договора о взаимопомощи, Риббентроп позднее, на вечернем мероприятии, в беседе с Бонне более определенно указал на то, что “Германия рассматривает французские гарантии Чехословакии как вмешательство в сферу наших интересов”³⁶. Бонне не возразил.

6 декабря 1938 г. в Париже была подписана франко-германская декларация, в которой говорилось, что “мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира”³⁷.

³¹ Ibid., S. 263.

³² ДВП, т. 21, с. 739–740.

³³ Там же, с. 590–591.

³⁴ Год кризиса. 1938–1939, т. 1, с. 50–52.

³⁵ Там же, с. 134–136.

³⁶ Там же, с. 130–136.

³⁷ Там же, с. 136.

Этот документ, как и англо-германская декларация от 30 сентября, которой Чемберлен размахивал перед своими сторонниками в Лондоне по прибытии из Мюнхена, очень скоро потерял свое значение, едва высохли чернила после ее подписания.

28 декабря 1938 г. английский посол в Париже Э. Фиппс направил Э. Галифаксу аналитический материал, подготовленный английским военным атташе, об изменившемся стратегическом положении Франции, в котором она оказалась в результате мюнхенской политики. В этом материале отмечалось, что ряд последовательных ударов разрушили систему безопасности Франции: ввод германских войск в 1936 г. в Рейнскую область, фактический союз Германии с Италией, аншлюс Австрии – все это делало “французскую позицию все более и более нездоровой. Эта ситуация все больше осознается Польшей, первоначально одним из самых важных членов французской системы безопасности и ныне все больше переориентирующей свою политику в пользу Германии... Чехословакия как фактор стратегической важности в Европе, благоприятный для Франции, исчез, а вместе с ним, вероятно, и последний барьер против германских амбиций в юго-восточной Европе”. В этом материале кратко упоминается и о России, о ее якобы пассивной роли в период Мюнхенского кризиса, но совершенно замалчивается роль Великобритании в стремлении изолировать Россию, чтобы она не помешала Чемберлену договориться с Гитлером. Все сводится к судебным процессам над советскими военачальниками³⁸.

12 января 1939 г. заведующий департаментом Центральной Европы британского МИД У. Стрэнг направил вышеприведенный материал секретарю Комитета Имперской обороны Великобритании. В сопроводительном письме Стрэнг писал: “Французские военные власти считают, что Франция в настоящее время не в состоянии защитить себя от Германии без военной помощи со стороны Соединенного Королевства”³⁹.

Военный атташе У. Фрэзер, направляя свой доклад Э. Фиппсу, отмечал в письме, что он беседовал с французским полковником Петибон, который утверждал, что “в будущем году будет война в Европе, хотя, возможно, в ней не будут участвовать ни Франция, ни Англия. Он, очевидно, думал об Украине”⁴⁰.

Английский военный атташе все еще был, по-видимому, под впечатлением от гитлеровской газетной шумихи о предстоявшей экспансии немцев на Восток и “о перспективе создания независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией”. Однако Гитлер к этому времени уже изменил свои планы, о чем свидетельствовал его демонстративный жест, когда он впервые подошел на новогоднем приеме 12 января 1939 г. к советскому полпреду. Беседа носила протокольный характер, но она насторожила многих политиков⁴¹.

Так, Галифакс направил 28 января 1939 г. телеграмму послам Великобритании во Франции и Бельгии, в которой говорилось: “Есть сообщения, указывающие на то, что Гитлер, подбадриваемый Риббентропом, Гиммлером и другими, рассматривает вопрос о нападении на западные державы в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке”⁴².

Видимо поэтому премьер-министр Великобритании впервые удостоил 1 марта своим неожиданным визитом обычный прием, данный Майским в здании советского полпредства. Британская пресса назвала этот прием “историческим” и расценила его как “шаг на пути к англо-советской Антанте”⁴³.

К сожалению, этого не произошло. Британское правительство не желало идти на действенное сотрудничество с СССР по отражению германской агрессии.

14 марта 1939 г. полпред СССР в Германии А.Ф. Мерекалов сообщил в НКВД, что “ожидается введение немецких войск в пределы Чехословакии... Невмешательство

³⁸ PRO, CAB 53/43, p. 1–2.

³⁹ Ibid., p. 9.

⁴⁰ Ibid., p. 8.

⁴¹ Год кризиса. 1938–1939, т. 1, с. 185–186.

⁴² PRO, CAB 27/624, p. 300–302.

⁴³ Год кризиса. 1938–1939, т. 1, с. 246.

Англии и Франции считается обеспеченным”⁴⁴. Действительно, Словакия получила призрачную независимость, а Богемия и Моравия стали германским протекторатом. Тем самым было выброшено в корзину для бумаг с такой помпой подписанное Мюнхенское соглашение. Демократическая Европа потеряла 45 чешских дивизий, а Гитлер дополнительно получил 1582 самолета, 469 танков, 5700 артиллерийских орудий и большое количество другой военной техники⁴⁵.

В беседе с И.М. Майским советник английского МИД Р. Ванситтарт сказал, что чехословацкие события “произвели громадное впечатление в Англии и забили гвоздь в гроб мюнхенской политики”⁴⁶. Однако последующие события показали, что это было не так.

Англо-французские “гаранты” даже не произнесли ни слова протеста в адрес Германии. Галифакс заявил 15 марта французскому послу, что Англия и Франция получают в результате этих событий “компенсирующее преимущество”, заключающееся в том, что “естественным способом” якобы покончено с обязательством о предоставлении гарантии Чехословакии, что было “несколько тягостным” для правительств обеих стран⁴⁷.

В тот же день Чемберлен заявил в палате общин, что Великобритания не может считать себя связанной обязательством о гарантии целостности Чехословакии. Одновременно он сообщил, что его правительство предложило Английскому банку немедленно прекратить выплату английского займа Чехословакии, данному после Мюнхена и оказавшегося в большей своей части неиспользованным, а также отменило поездку своих министров О. Стэнли и Р. Хадсона в Берлин⁴⁸.

Только Литвинов в ноте от 18 марта 1939 г. вновь осудил действия германских властей в Чехословакии, назвав их “произвольными, насильственными, агрессивными”, которые “нанесли новый удар чувству безопасности народов”⁴⁹.

В этот период внешнеполитический крен в деятельности НКВД все больше смещается в сторону Лондона. Это и понятно, поскольку Великобритания определяла политику англо-французской коалиции. В беседе с полпредом 15 марта один из лидеров оппозиции в консервативной партии У. Черчилль говорил, что ликвидация Чехословакии “предвещает усиленный нажим на Запад, для чего Гитлер хочет обеспечить себе тыл”⁵⁰.

События развивались с невиданной быстротой.

Сильное впечатление в Лондоне и Париже произвело в середине марта сообщение о “германском ультиматуме Румынии”. Информация оказалась ложной, но она вызвала большую политическую и дипломатическую активность. Английский посол в СССР У. Сидс посетил М.М. Литвинова и поинтересовался возможной позицией СССР в случае нападения Германии на Румынию. Нарком предложил созвать конференцию представителей наиболее заинтересованных государств – Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР для определения позиции всех его участников⁵¹.

Однако Галифакс в беседе с Майским 19 марта нашел это предложение “преждевременным”. Вместо конференции британское правительство предложило 21 марта опубликовать “декларацию четырех (Англия, Франция, СССР, Польша) о том, что в случае угрозы агрессии названные державы немедленно устраивают консультацию о мерах борьбы. Это первый шаг”. Далее все остальные мирные государства, писал Майский, будут приглашены присоединиться к декларации, и только потом будет созвана кон-

⁴⁴ Там же, с. 274.

⁴⁵ Вестник МИД, 1998, № 18, с. 37.

⁴⁶ АВП РФ, ф. 017а, оп. 1, п. 1, д. 6, л. 57.

⁴⁷ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939, 3 ser., v. IV. London, 1951, p. 273.

⁴⁸ Parliamentary Debates, House of Commons, v. 345, col. 437–438.

⁴⁹ Год кризиса. 1938–1939, т. 1, с. 289–290.

⁵⁰ Там же, с. 274–275.

⁵¹ Там же, с. 308–310.

ференция, на которой будут обсуждены меры борьбы с агрессией⁵². На следующий же день советское правительство сообщило: “Солидаризируемся с позицией британского правительства и принимаем формулировку его проекта декларации”⁵³.

Однако Польша, не желая раздражать Гитлера, отказалась принять участие в опубликовании декларации, под которой стояла бы подпись представителя СССР. Поэтому английская инициатива пропала втуне.

В конце марта 1939 г. в Москве побывал министр внешней торговли Великобритании Р. Хадсон. Эта была информационная поездка. Никаких предложений о налаживании экономического или политического сотрудничества он не сделал. Сообщая в Лондон 28 марта о результатах визита, Сидс писал: сообщение ТАСС “отражает картину, которую я хотел бы сам видеть в англо-советских отношениях, а именно дружественность и контакты, но никаких обязательств”⁵⁴. Английское правительство заняло в отношении СССР выжидательную позицию.

Экспансия агрессивных государств продолжалась. 21 марта гитлеровская Германия потребовала от Польши передачи ей Данцига (Гданьска) и предоставления экстерриториальной автостреды и железной дороги через “польский коридор”. 3 апреля Гитлер дал указание подготовить и 11 апреля подписал “план Вайс”, план нападения на Польшу. 7 апреля итальянские войска вторглись в Албанию. Еще 22 марта Германия оккупировала литовский город и порт Клайпеду с соответствующим округом.

В связи с обострением политического положения в Европе Великобритания предоставила 31 марта односторонние гарантии Польше. Франко-польский договор о взаимопомощи существовал с 1921 г. 13 апреля были даны англо-французские гарантии Румынии и Греции. На следующий день Бонне инициировал вопрос об оказании помощи Франции Советским Союзом, если бы она оказалась в состоянии войны с Германией, в результате данных ею гарантий Румынии и Польше. Формально такие же обязательства брала бы на себя в отношении СССР Франция⁵⁵.

Но у Советского Союза не было подобных соглашений с Польшей и Румынией. Более того, Польша была против такого соглашения. Поэтому вопрос повисал.

В связи с этим по поручению советского правительства Литвинов вручил 17 апреля 1939 г. Сидсу предложение о заключении соглашения между СССР, Великобританией и Францией сроком на 5–10 лет, в котором бы предусматривалось предоставление “всяческой помощи, включая военной”, в случае агрессии против любой из договаривающихся сторон или же против восточноевропейских государств, расположенных между Балтийским и Черным морями и граничащими с СССР (вскоре СССР согласился включить в перечень и малые государства Западной Европы)⁵⁶. Это было деловое и серьезное предложение.

Советский проект соглашения встретил, однако, неоднозначную реакцию английского правительства. Поэтому на заседании комитета английского правительства по вопросам внешней политики 19 апреля было решено, “не отвергая русское предложение”, дать понять Москве, “что для военного союза время еще не пришло”. Правда, уже тогда высказывалось опасение, что “Советы могут заключить какое-либо соглашение с германским правительством”⁵⁷. С ответом на советское предложение англичане явно не спешили.

В этих условиях 21 апреля в кабинете И.В. Сталина в Кремле прошло узкое совещание членов Политбюро с участием полпредов И.М. Майского, П.Н. Крапивинцева, А.Ф. Мерекалова, на нем произошла резкая стычка между М.М. Литвиновым и В.М. Молотовым, которая изобиловала взаимными обвинениями. Односторонняя направленность деятельности наркома была подвергнута резкой критике. Литвинов попросил об отставке.

⁵² АВП РФ, ф. 017а, оп. 1, п. 1, д. 6, л. 67–69.

⁵³ Год кризиса. 1938–1939, т. 1, с. 314.

⁵⁴ Там же, т. 2, с. 389.

⁵⁵ Там же, т. 1, с. 380.

⁵⁶ ДВП, т. 22, кн. 1–2. М., 1992, кн. 1, с. 284.

⁵⁷ PRO, CAB 27/624, p. 300–312.

В Кремле решили подождать ответа англичан на советское предложение от 17 апреля. Когда же Сидс посетил 3 мая Литвинова и сообщил, что британское правительство все еще изучает советское предложение и ответ задерживается ввиду занятости правительства другими вопросами, раздражению в Кремле не было предела. В момент, когда в Европе решались вопросы войны и мира, в Лондоне проявили полную незаинтересованность в сотрудничестве с СССР. В тот же день Литвинов был снят со своего поста “ввиду серьезного конфликта, – говорилось в личной шифротелеграмме Сталина полпредам, – между председателем СНК т. Молотовым и наркоминдел т. Литвиновым”. Наркомом иностранных дел был по совместительству назначен Молотов⁵⁸.

Он сразу же занял более жесткую позицию в англо-франко-советских переговорах. 8 мая поступил негативный ответ английского правительства на предложение СССР от 17 апреля о пакте взаимопомощи, а взамен предлагалось, чтобы СССР выступил с односторонней декларацией об оказании содействия Англии и Франции в случае вступления их в войну.

Молотов, естественно, не знал всех деталей обсуждения советских предложений в английском правительстве, они стали известны только теперь. Но он в тот же день, 8 мая, когда был получен ответ англичан, телеграфировал И.М. Майскому и полпреду во Франции Я.З. Сурицу: “Как видите, англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь”. И как бы в упрек Майскому нарком заметил: “Окончательное предложение англичан оказалось хуже, чем можно было предполагать по вашей последней телеграмме”⁵⁹.

Майский, зная настрой Молотова по совещанию у Сталина, отреагировал на его директиву на следующий же день. В телеграмме в НКВД от 9 мая он писал, что «здесь вновь подняли головы “умиротворители”» и ведется большая кампания за то, чтобы сделать “еще одну попытку” договориться с Германией и Италией⁶⁰.

В эти дни Москва предпринимала усилия, чтобы привлечь Польшу к переговорному процессу по созданию вместе с англичанами коллективного фронта борьбы против германской агрессии. 10 мая 1939 г. новый нарком поручил заместителю наркома В.П. Потемкину, возвращавшемуся из Турции, посетить Варшаву для переговоров с министром иностранных дел Ю. Беком. В своем указании он писал: “Главное для нас узнать, как у Польши обстоят дела с Германией. Можете намекнуть, что в случае, если поляки захотят, то СССР может им помочь”⁶¹.

Докладывая о состоявшейся в тот же день беседе с Беком, Потемкин писал наркому: “Путем подробного анализа соотношения сил в Европе и возможностей эффективной помощи Польше привел Бека к прямому признанию, что без поддержки СССР полякам себя не отстоять... Со своей стороны я подчеркнул, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала”⁶².

Однако 11 мая польский посол в Москве В. Гжибовский заявил в беседе с В.М. Молотовым, что “Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР”, так как она считает, что пакт можно заключать на условиях взаимности, а Польша не может оказать помощь СССР⁶³. Эта негативная позиция Польши в вопросах сотрудничества с СССР фактически подрывала англо-франко-советские переговоры накануне войны.

Надо отметить, что и британские военные, как это ни странно, отмечали в “Докладе подкомитета начальников штабов Комитета имперской обороны”, что “с военно-морской точки зрения, российский нейтралитет в конце концов более предпочтителен, чем вступление России в войну” на стороне Англии. А если вступление России в войну на

⁵⁸ ДВП, т. 22, кн. 1, с. 327.

⁵⁹ Там же, кн. 2, с. 546.

⁶⁰ Там же, кн. 1, с. 349.

⁶¹ Там же, с. 352.

⁶² Год кризиса. 1938–1939, т. 1, с. 444.

⁶³ ДВП, т. 22, кн. 1, с. 357.

стороне Англии приведет ее к войне с Японией, то “участие России в войне было бы скорее помехой, чем помощью”⁶⁴.

14 мая советское правительство в памятной записке, переданной английскому послу в Москве, изложило свои подходы к созданию системы безопасности: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии; гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая страны Прибалтики и Финляндию; заключение конкретного соглашения о формах и размерах помощи⁶⁵.

Оценивая эти предложения, Майский записал в дневнике: «Ответ совпра от 14 мая поставил бритпра в очень трудное положение. Наши предложения ясны, просты, разумны и способны апеллировать к сознанию “man in the street”⁶⁶. ... С другой стороны, обязательства, данные бритпра Польше, Румынии и Греции, делают для него безусловно необходимым быстрый стговор с СССР, ибо без нас эти обязательства нереализуемы. Что реального в самом деле может сделать Англия (или даже Англия и Франция вместе взятые) для Польши и Румынии в случае нападения на них Германии? Очень мало. Пока британская блокада против Германии станет для последней серьезной угрозой, Польша и Румыния перестанут существовать»⁶⁷. Это была трезвая оценка ситуации, которая подтвердилась последующими событиями.

Тем временем Майскому было дано из Москвы указание выехать в Женеву на сессию совета Лиги наций. Там он встретился 21 мая 1939 г. с Галифаксом, который пригласил полпреда в свой отель. Майский предпринял еще одну попытку разъяснить английскому министру всю серьезность создавшегося положения и намекнуть на возможные шаги советского правительства.

На вопрос Галифакса, чем не нравятся вам английские предложения от 8 мая, Майский ответил: “Перед СССР сейчас имеются две возможные дороги:

1. Политика изоляции и свобода рук в международных делах. Это могло бы обеспечить ему, учитывая его мощь, богатство ресурсами, многочисленность населения и пр. относительную безопасность, но не предупредить мировую войну.

2. Политика блока с Англией и Францией возлагала бы на СССР тяжелые военные обязательства, лишала бы его свободы действий в международных делах, но зато обещала бы большую безопасность, ибо таким путем можно было бы надеяться предотвратить мировую войну.

СССР предпочитает второй путь, но нужны гарантии безопасности. Иначе ему не имеет смысла отказываться от перспектив, открываемых первым путем”⁶⁸.

Однако английское правительство так и не решилось пойти навстречу предложениям СССР о заключении тройственного пакта.

Особенно наглядно точка зрения на возможное военное сотрудничество СССР выражена в письме генерал-лейтенанта в отставке сэра Э. Бриджеса от 19 мая 1939 г. на имя Э. Галифакса: “Вопрос о том, должны ли мы заключать тесный союз с Россией, является, на мой взгляд, одним из самых трудных, который нам, возможно, предстоит решить”. Все зависит от баланса военных и политических соображений, продолжал он. “Строго с военной точки зрения, все аргументы должны говорить в пользу того, чтобы сделать все, что мы можем, чтобы добиться такого союза. С политической точки зрения эти аргументы значительно менее ясно определены... Начальники штабов уже сообщили о значении России как союзника и заявили, что ее ценность не столь велика, как, в общем, предполагают... Военные выгоды появятся, если мы, возможно, вступим в войну. Но если мы предполагаем так или иначе избежать ее, то я считаю, что политический ущерб более чем когда-либо перевешивает возможные военные преимущества”.

⁶⁴ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939, 2 ser., v. XXI, 1984, p. 512.

⁶⁵ ДВП, т. 22, кн. 1, с. 363.

⁶⁶ Человек с улицы.

⁶⁷ АВП РФ, ф. 017а, оп. 1, п. 1, д. 6, л. 130.

⁶⁸ Там же, л. 134–135.

Далее он останавливается на варианте, когда могут договориться между собой Германия и Советская Россия. “Союз между Германией и Россией является самым страшным, чего мы должны опасаться... Я не могу, однако, себе представить, как Гитлер и руководящие нацисты намерены проглотить все то, что они говорили об СССР и большевистской опасности, и стать союзниками против Англии, с которой, как они всегда заявляли до сих пор, хотят быть друзьями”⁶⁹.

Видимо Галифакс учел эти соображения, когда на заседании комитета по внешней политике 4 июля высказался за заключение “ограниченного пакта”, видя в качестве “главной цели” лишь воспрепятствовать советско-германскому сближению⁷⁰.

Тем не менее к концу июля текст англо-франко-советского политического договора был в основном согласован. Оставалось разногласие о формулировке понятия “косвенная агрессия”. Советская делегация настаивала также на “одновременности заключения всего договора, включая и его военную часть”. Но Англия и Франция не торопились. Информирова советских полпредов в Лондоне и Париже, Молотов писал 17 июля: “Видимо толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя”⁷¹.

Касаясь хода англо-франко-советских переговоров, президент США Ф. Рузвельт заявил полпреду К.А. Уманскому, что «положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями... Он ... считает, что пути к дальнейшему “умиротворению” для Англии отрезаны»⁷².

Здесь Рузвельт ошибался. Попытки англичан прощупать возможность для нового компромисса с немцами предпринимались (июльские переговоры Вольтата и Дирксена с Вильсоном и Хадсоном). Однако быстрого результата они дать не могли.

Приезд в Москву 12 августа военных миссий Великобритании и Франции и начавшиеся переговоры показали, что у английской делегации не было не только полномочий для ведения переговоров, но и конкретных планов по противодействию германской агрессии.

21 августа Майский записал в дневнике: “Кажется, наши переговоры с англо-французами пришли к краху”⁷³.

Через два дня, 23 августа 1939 г., был заключен советско-германский договор о ненападении, секретным протоколом к которому предусматривалось разграничение сфер интересов двух стран в Польше, Прибалтике, Финляндии, в Бессарабии⁷⁴, входивших ранее в состав России.

В речи в палате лордов 24 августа 1939 г. Галифакс заявил: “Я не скрою, что это известие (о советско-германском пакте о ненападении. – В.С.) было неожиданным для правительства его величества”⁷⁵.

В послевоенный период английское правительство немало сделало, чтобы снять с себя вину за провал англо-франко-советских переговоров 1939 г. Оно сознательно замалчивает весь период политики “умиротворения” агрессоров как в Европе, так и на Дальнем Востоке, которую проводило тогдашнее правительство Великобритании, и сводит события, предшествующие Второй мировой войне, к заключению советско-германского пакта о ненападении, явившегося будто бы побудительной причиной для развязывания войны фашистской Германией. Оно сознательно обходит тот непреложный факт, что войну за неделю, отделявшую подписание пакта от начала войны, подготовить нельзя. В брошюре “Нацистско-советский пакт 1939 г.”, подготовленной отделом информации Форин офиса к 10-й годовщине его подписания в 1949 г., были изложены негативные

⁶⁹ PRO, Premier 1/409, p. 143–148.

⁷⁰ PRO, CAB 27/625, p. 101–112.

⁷¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971, с. 495–496.

⁷² ДВП, т. 22, кн. 1, с. 524–525.

⁷³ АВП РФ, ф. 017а, оп. 1, п. 1, д. 6, л. 214.

⁷⁴ ДВП, т. 22, кн. 1, с. 630–632.

⁷⁵ PRO, Foreign Office 975/32, p. 88.

последствия для Англии, к которым привело заключение советско-германского пакта о ненападении. Но, к сожалению, там ничего не говорится о судьбах миллионов людей, пострадавших от политики попустительства германской агрессии.

Даже президент США Г. Трумэн заявил 8 января 1951 г. в конгрессе США: “Если бы демократические страны твердо стояли против агрессии в Маньчжурии в 1931 г. или при нападении на Эфиопию в 1935 г., или при захвате Австрии в 1938 г. (можно добавить сюда и Чехословакию. – В.С.), если бы действовали сплоченно, как это делала ООН в подобных случаях, то вся история нашего времени развивалась бы по-другому”⁷⁶.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что войну в Европе, а следовательно, и мировую войну можно было бы избежать, если бы все политические деятели руководствовались тогда идеями, положенными в основу Устава Лиги наций и пакта Бриана-Келлога. Об этом неоднократно предупреждал Литвинов с трибуны Дворца наций в Женеве. Этой же точки зрения придерживался видный деятель консервативной партии Англии Черчилль, который неоднократно выступал за укрепление Лиги наций, чтобы “сделать ее способной сдерживать потенциального агрессора вооруженной силой”⁷⁷.

Однако британское правительство во главе с Чемберленом, проводя политику умиротворения агрессоров, охотно шло с ними на временное сотрудничество, оставляя на гибель республиканскую Испанию, лишая независимости Австрию и Чехословакию, а также не оказывая даже политической поддержки с трибуны Лиги наций борющемуся против японской агрессии Китаю.

Таким образом, история учит, что только единство действий всех государств, больших и малых, направленных на защиту мира, может обеспечить долговременный и прочный мир.

⁷⁶ PRO, Premier 8/1438, p. 10.

⁷⁷ АВП РФ, ф. 0483, оп. 34, п. 1, д. 1, л. 196.